

Наталья Павловна Фрейберг

Декрет 19 вандемьера и борьба Бешеных за конституцию 1793 года

Историк-марксист. 1927. Т.6. С.111-142

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2012

Говорить о том, что в эпоху Великой Французской Революции не было политических партий в современном нам смысле слова, стало уже почти трюизмом. Это положение никем не оспаривается и известно всякому, кто сколько-нибудь занимался изучением этой эпохи.

Однако, прежде чем приступить к рассмотрению той политической борьбы, которая шла в Париже осенью и зимой 1793—94 года, хотелось бы указать на ряд черт, которые роднят политические организации того времени с современными нам партиями и во всяком случае выводят их далеко за пределы названия «политических клубов», которое к ним обычно применяется.

Если мы возьмем одну из старейших политических организаций того времени—Общество Друзей Свободы и Равенства¹, то мы увидим, что, по мере развития и углубления революции, политический состав его становится все более и более однородным. Отпадение сперва группы членов во главе с Малузэ, потом уход «фельянов» летом 1791 года, исключение жирондистов зимой 92/93 г., исключение «ультрареволюционеров» (Проли, Перейра, Дюбюиссон, Дефье), с одной стороны, и «снисходительных» (Фабр д'Эглантин, Филиппо, Демулен) — с другой, превратили к весне 1794 г. основную массу членов Якобинского клуба и сторонников Робеспьера и его «центристской» политики. Периодические «чистки», производившиеся Обществом, были, конечно, вовсе не очищением клуба от «агентов иностранных держав», как это порою называлось, а именно исключением «идеологически чуждых элементов», как сказали бы мы теперь. Особый *Comité de révision* — своего рода ЦКК — неуклонно следил за составом членов Общества и их политическими выступлениями. Да и попасть в ряды членов клуба в конце 1793 и начале 94 года было вовсе не так просто. Для этого было недостаточно ответить на вопрос: «Что ты сделал для того, чтобы быть повешенным в случае контр-революции?»² — надо было пройти через особый *Comité de présentation*, который строго обсуждал выставляемые кандидатуры. А над этими обоими

¹ Клуб Якобинцев.

² Aulard, *Société des Jacobins*, т. V, стр. 585.

Комитетами стоял в свою очередь бдительный надзор всего Общества в целом, которое на пленарных собраниях отвергало порой кандидатуры даже тех лиц, которые благополучно прошли через узкие ворота Комитетов.¹

Наконец, с 13-го ноября 1793 г. прием новых членов в Общество почти совершенно прекращается — сперва до окончания суда над «сообщниками Бриссо»², потом до окончания «чистки»³, производившейся с ноября 1793 года⁴ вплоть до ареста гебертистов.

Все это рисует нам Парижское Общество Друзей Свободы и Равенства, как достаточно сплоченную и замкнутую организацию, политическая платформа которой по мере дифференциации политических группировок все более и более отождествляется с «робеспьеристским» течением. Недаром зимой 93—94 года Якобинский клуб так послушно вотирует все предложения Робеспьера (порой даже наперекор только что принятым решениям⁵; недаром покрывает шумными аплодисментами все его выступления, а 8-го термидора не дает поговорить ни Билльо-Варенну, ни Колло д'Эрбуа (S. d. J. т. VI, стр. 282—284); недаром, наконец, в грозную ночь 9—10 термидора Якобинский клуб неоднократно посылает депутации в Генер. Совет Коммуны, восставшей против Конвента в защиту свергнутого вождя (B. et Roux, т. 34, стр. 42—56).

О социальном составе клуба достаточно ясно говорит тот высокий членский взнос, который был в нем установлен. Конечно, платить от 24-х до 32-х ливров ежегодно (а именно таковы были размеры членского взноса в Обществе Друзей Свободы и Равенства⁶ было не под силу ни парижским рабочим, ни мелким ремесленникам, еле сводившим концы с концами и, пожалуй, более других слоев населения страдавшим от наступившей дороговизны. Лишь более состоятельные слои мелкой буржуазии — хозяева мелких мастерских⁷, розничные торговцы, многочисленные служащие различных ведомств, комитетов и комиссий⁸, отправки которых на фронт так энергично требовал Шометт весной 93 года — вот те общественные слои, на которые опирался Якобинский клуб и из которых он вербовал своих членов.

¹ Так, напр., в 1794 г. во время весенней „чистки“ вопрос о допущении Венсана трижды обсуждался на пленарном заседании Общества, несмотря на благоприятный отзыв Делклоша, председателя Comité de présentation, полученный Венсаном благодаря хлопотам Моморо (ibid., т. V, стр. 646, 651, 654).

² Aulard, т. V, стр. 510—511.

³ Ibid., т. V, 695.

⁴ Ibid., т. V, стр. 533.

⁵ См., напр., отмену только что принятого решения об исключении К. Демулена в заседании 10/1 94 года. Aulard, S. d. J. (стр. 607, т. V.)

⁶ Олар в своем предисл. к Société des Jacobins, указывая эту же цифру, ссылается на Луи Блана, отмечая с сожалением, что ему не удалось найти подтверждения ее в документах и прессе той эпохи. Между тем, именно этот размер членского взноса в клубе Якобинцев указывается в Révolutions de Paris, т 15, стр. 256 (январь 1793 г.).

⁷ Так, столляр Дюпле, у которого жил Робеспьер, был хозяином мастерской, где работало около 10-ти рабочих.

⁸ Жалование членов Гражд. и Революц. Комитетов Парижа осенью 1793 г. равнялось 3-м—5-ти ливрам за каждый день работы.

Если сторонники Робеспьера группировались, главным образом, вокруг Якобинского клуба, ставшего зимой 93/94 г. оплотом правительственной политики и Комитета Общественного Спасения, как ее главного выразителя, то в Париже того времени имелись и другие политические центры, стягивавшие вокруг себя другие политические группировки, опиравшиеся на другие, более демократические слои Парижского населения.

Таким центром было прежде всего Общество Прав Человека и Гражданина — знаменитый клуб кордельеров, ровесник, а порой и соперник Якобинского клуба. Весной 1793 года руководящую роль в нем захватили «Бешеные», а после носильственного исключения из него Ру и Леклерка и временного отстранения Варле¹ основными руководителями Кордельерского клуба стали Моморо, Венсан, Ронсен, Гебер и отчасти Шометт, вошедшие в историю под одной общей кличкой гебертистов.

В своих политических выступлениях они опирались порой на Парижский департамент, а порой отчасти и на Парижскую Коммуну, как на административный и политический центр Парижа, влияние которого на ход событий иногда конкурировало с влиянием Конвента, а иногда даже одерживало верх и оказывалось решающим.

Чрезвычайно низкий членский взнос (всего два су в месяц или один ливр 4 су в год) открывал в клуб Кордельеров широкий доступ малоимущим слоям населения, а революционно-практический характер всей деятельности Кордельеров подходил гораздо больше к умунастроению Парижской бедноты, чем выпендренные рассуждения Робеспьера о недостатках Британского правительства, раздававшиеся с трибуны монастыря св. Якова.

Вообще, то исключительное внимание, которое уделял Якобинский клуб именно вопросам «высокой политики», в ущерб ближайшим социально-экономическим требованиям малоимущих слоев населения, не могло не отталкивать эти последние от улицы св. Гонория. И несомненно, та резкая черта, которая отделила Якобинцев от Кордельеров еще 17 июля 91 года, в день избития на Марсовом поле, и была запечатлена кровью убитых и раненых «патриотов», продолжала существовать на протяжении всей революции, несмотря на то, что в отдельные моменты эти организации, охватывавшие в общем разные слои населения, шли единым фронтом против общего классового врага. Зимой 1792 и 93 года таким врагом были «бриссотисты», и оба клуба вместе с Парижской Коммуной и большинством секций дружно боролись против «клики государственных людей». Однако застрельщиком и передовым отрядом в этой борьбе, опиравшейся на массу Парижского населения, является именно клуб Кордельеров. Еще 10-го марта 93 года Кордельеры приняли постановление, предлагающее 1) Парижскому департаменту «захватить верховную власть», 2) Парижскому собранию выборщиков (*corps électoral*) — «сместить членов Конвента, изменивших народу» и 3) призывающее секции «выбрать депутатов в Комитет Восстания»². Фурнье-Американец, Шампюан и Варле—видные члены кордельерского клуба—разносят

¹ Конец июня 1793 г.—см. доклад Колло д'Эрбуа на заседании Якобинск. клуба 1-го июля 1793 г. (Aulard S. d. J. т. 5. 281—284).

² «Moniteur», XV, стр. 693—705 (речь Верньо).

это постановление по секциям Парижа. Правда, на него откликнулось всего несколько секций,¹ и вся попытка кончилась неудачей; но любопытно отметить, что не кто иной, как Марат — будущий председатель Якобинского клуба — требует в Конвенте ареста Фурнье², а сами Якобинцы в заседании 12-го марта не дают говорить и заставляют сойти с трибуны Варле, явившагося просить клуб присоединиться к протесту Кордельеров против ареста Фурнье-Американца. — «Мы здесь не у Кордельеров!» — кричат Якобинцы, требуя перехода к очередным делам в качестве единственного ответа на предложение Варле. И не далее, как 4-го апреля³, Якобинский клуб постановляет исключить всех членов клуба, которые не выйдут из состава Центрального Комитета Общественного Спасения, образованного в Епископстве делегатами секций.

Все это делает понятным, почему Варле в своем «Плане новой организации общества друзей конституции» с горечью сообщает, что он вышел из состава Якобинского клуба, так как члены его не дают ему говорить и недостаточно внимательны к народным обществам.⁴

В такие формы выливалась еще зимой 92—93 года рознь, существовавшая между различными течениями внутри монтаньяров и, в частности — между кордельерами и якобинцами. Ясно, что после их общей победы над жирондистами эти трения могли только усилиться⁵.

¹ Секции Cité, Quatre-Nations, Poissonnière и Bonconseil.

² B. et Roux, т. 25, стр. 71, зас. Конвента 12/III 93 г.

³ Aulard, S. d. J. т. V, стр. 85.

⁴ «Я быстро вышел из общества, которое восемь раз, даже не выслушав меня отказывалось предоставить мне слово. Разве должны бы были друзья конституции аплодировать моему уходу из зала, как исключению дурного гражданина?» — пишет Варле (см. фотоснимки с рукописей и брошюр Варле, находящиеся в Институте Маркса и Энгельса). Именно «чрезмерный цивизм» Варле вызвал его исключение из Якобинского клуба — сообщает полицейский агент Дютар министру внутр. дел Гара в своем донесении от 17-го мая (Tutey, т. IX, № 603).

⁵ С. Моносов в своей книжке о Якобинском клубе говорит, что в дни 31-го мая—2-го июня «Якобинцы были довольно единодушны» (стр., 4) и в качестве одного из примеров приводит резолюцию Якобинского клуба еще от 5-го мая. Однако, если выйти за пределы Якобинского клуба и обратить внимание на всю группу монтаньяров, то борьба различных течений именно в это время представляется уже достаточно острой (См., напр., протоколы заседаний Парижской Коммуны от 30-го мая—1-го июня. (Maurice Tourneux, Procès verbaux de la Commune de Paris). Отзвуки ее, думается нам, ясно слышны и в заседаниях Якобинцев 12/III, 3/IV, 8/IV, 15/V и др. Многие, конечно, зависят от разного понимания того крайне неточного термина, какой мы имеем в слове «Якобинцы». Если под название Якобинцев подводить всех членов Якобинского клуба после 31-го мая—2-го июня, то этот термин охватывает и Гебера, и Моморо, и Шометта, которые как по своим взглядам, так и по своей деятельности, стоят гораздо ближе к Кордельерам, чем к Якобинцам. Достаточно сказать, что Гебер и Шометт только 7/1—93 г. вступили членами в Якобинский клуб (S. d. J. т. IV, стр. 650), тогда как в клубе Кордельеров они состояли еще с 1790—91 г. С другой стороны, если говорить о «борьбе внутри Якобинства» (см. Лукин, «Рев. Прав. эпохи Конвента»), включая сюда и Ру, и Леклерка из Лиона, которые и когда не были членами Якобинского клуба, то это тоже грешит большой неточностью. Поэтому, во избежание возможных недоразумений, мы считали бы более правиль-

Наконец, третьим политическим центром Парижа был спорадически возникавший во все острые моменты революции центральный комитет-клуб в Епископстве, состоявшийся из представителей (комиссаров) Парижских секций (или секционных обществ) и непосредственно опиравшийся на эти последние. Руководящая роль здесь принадлежала крайним группировкам. Именно в секциях находили себе опору Ру, Варле, Леклерк (как до, так и после их исключения из Кордельерского клуба); именно в секциях вели агитацию Проли, Перейра, Майар, Дефье и Дюбуиссон осенью и зимой 93/94 года. От имени Парижских секций и выступали они с требованиями, обращенными то к Конвенту, то к Генеральному Совету Парижской Коммуны, подкрепляя эти требования массовыми выступлениями низов городского населения — Парижских рабочих, мелких ремесленников и безработных, наводнявших тогда столицу Франции.

Следует однако заметить, что границы между различными группировками, существовавшими среди монтаньяров уже весной и летом 93 года, далеко не всегда были четкими и определенными. Нередко члены Якобинского клуба состоят одновременно и в Обществе Кордельеров и, появляясь организованной массой на заседаниях последнего, заставляют его порой менять уже принятые решения¹. Вожди Кордельеров — Моморо, Венсан, Ронсен — состоят членами Якобинского клуба; секционное движение имеет своих представителей в Генеральном Совете Коммуны, и даже отрывочные протоколы заседаний Совета, дошедшие до нас, позволяют судить о той напряженной борьбе, которая велась крайними элементами, как против более умеренной и осторожной политики Совета в целом, так и против его официальных руководителей (Шометт-Паш) в частности². Таким образом, политическая борьба велась не только между различными организациями, но и внутри каждой из них; кроме того, политическое Сredo ее лидеров далеко не всегда является достаточно оформленным, а политическая неустойчивость, колебания, порой и личная вражда отдельных персонажей, нередко затемняют состав и основную линию каждой группировки. В качестве примера можно указать поведение Дюфурни, который то отстаивает необходимость усиления террора и недопустимость существования какой-либо оппозиции, — то обрушивается на своих прежних единомышленников слева, получая взамен суровое осуждение Кордельерского клуба; известно также стремление Леклерка отмежеваться от Жака Ру осенью 93 года, несмотря на общность их основных требований; любопытна та крайне умеренная и осторожная позиция, которую занимает Шометт осенью 1793 года, когда Коммуне приходилось сдерживать натиск секций. Все это чрезвычайно усложняет и без того пеструю картину политической борьбы в Париже осенью 93 года и делает невозможным уложить ее в узкую схему борьбы между Конвентом и Якобинским клубом с

ным говорить о борьбе течений внутри монтаньяров, борьбе, которая разыгрывалась как в стенах, так и далеко за пределами Парижского Общества Друзей Свободы и Равенства.

¹ Таким путем было проведено, напр., исключение Жака Ру и Леклерка из Общества Кордельеров в конце июня 1793 г.

² См., напр, заседания Ген. Совета Парижской Коммуны 1—5 фримэра II года.

одной стороны, Коммуной и клубом кордельеров с другой, и секциями — клубом в Епископстве — с третьей, — хотя несомненно, борьба этих трех «установленных властей» в 93—94 году далеко выходила за пределы «междо-ведомственных трений».

Если зимой 92/93 года политическая борьба в Париже велась на почве продовольственного вопроса (свобода торговли или правительственная регламентация), налогового обложения (прогрессивный подоходный налог и принудительный заем у богатых), способа рекрутского набора в Вандею и на фронт, где положение дел обострилось в связи с изменой Дюмурье; если эта борьба политически оформлялась в борьбу против жирондистов и их проекта конституции, — то летом и осенью 93 года порой те же вопросы вставали в совершенно ином разрезе и освещении. Принятый 4-го мая декрет о максимуме на зерно был в сущности лишь принципиальным решением в сторону регламентации торговли, — на очереди стояла теперь борьба за максимум всеобщий и универсальный; вопрос о способе рекрутского набора сменился декретом, ставившим под ружье все взрослое население Франции; словесная борьба с жирондистами превратилась в войну с Лионом, Марселем и Тулоном вместе с отправкой на гильотину наиболее видных жирондистов, а резкая критика конституционного проекта Кондорсе сменилась строжайшим запрещением критиковать собственный проект конституции.

Острые же политической борьбы в этот период направляется против Бешеных, которые по ряду упомянутых вопросов занимали позицию, резко отличавшую их от остальных монтаньяров. Если даже оставить в стороне и февральские беспорядки, возникшие в Париже на почве продовольствия, и попытку восстания 10-го марта, организованную группой Бешеных¹, то все же разногласия между Бешеными и остальными монтаньярами выявляются уже в самые дни восстания 30-го мая — 2-го июня.

В то время, как официальные руководители Генерального Совета Парижской Коммуны — Паш, Шометт, Гебер (не говоря уже о ряде членов Конвента, думавших ограничиться «моральным воздействием») все время призывают к максимальной умеренности и осторожности (вплоть до запрещения бить в набат)², возражают против «всякой меры, покушающейся посягнуть на народное представительство» — и даже 1-го июня, после прихода

¹ О том, каковы были цели восстания, можно судить по одному из сообщений в Полицейское бюро, излагающему содержание речи Варле. «На террасе фельянов один молодой человек, известный под именем Варле, казалось, очень сожалел в своей речи о том, что восстание, намеченное на 9—10 марта, не удалось..., что это восстание является законным и необходимым, что он и теперь желает его, и что оно только отсрочено; что он желал бы заменить апатию Якобинцев энергией женщин 5—6 октября 1789 г. для того, чтоб Нац. Конвент запретил торговлю звонкой монетой, декретировал смертную казнь ажиотерам и скупщикам и отсек бы голову Ролану, Бриссо, которые должны же, наконец, попасть на гильотину» (Tutey, т. 9. № 472, Extraits des rapports et déclarations, faits au Bureau de Surveillance de la Police; курсив всюду наш). Следует оговориться, что Ж. Ру был против этой попытки восстания, организованной Варле, Шампьоном и Фурнье-Американцем.

² B. et Roux, т. 21, стр. 358.

в ратушу Марата, не соглашаются на арест жирондистов, стараясь все время остаться в тени и выдвинуть на первый план Комитет Восстания и «волю большинства секций» — то в это же время другие, более крайние группы обвиняют Шометта в слабости, требуют немедленно принять решительные меры и «выстроить батальоны» национальной гвардии с тем, чтобы «пойти во главе их на Конвент» (*sur la Convention*). Однако, несмотря на аплодисменты толпы, покрывающие трехкратно внесенное требование об аресте жирондистов, Совет (Коммуны) предлагает удалиться «неосторожному молодому человеку»¹, настаивавшему на применении «крайних мер»². Протоколы заседаний Генерального Совета достаточно выпукло обрисовывают ту умеренную позицию, которую он занимает в эти дни; да и самому клубу Якобинцев очевидно недаром пришлось выслушать 1-го июня крайне энергичный и повелительный призыв Леклерка, требовавшего немедленно направить в Конвент всех депутатов, примыкавших к Горе³.

«Почему вы так медлите расправиться с вашими врагами? Почему вы боитесь пролить несколько капель крови?» — спрашивает Леклерк 4-го июня в Совете Парижской Коммуны⁴; он утверждал, что революция далеко еще не кончена, и услышал в ответ резкую реплику Гебера, предлагавшего считать «дурным гражданином» всякого, кто будет говорить о пролитии крови». «Это он (Лежандр) с Дантоном своим преступным сопротивлением принудили нас к модерантизму в дни 31-го мая», говорит Леклерк на заседании Кордельеров 27-го июня. «Это Лежандр и Дантон воспротивились революционным мерам, которые мы приняли в эти великие дни, чтоб раздавить всех аристократов Парижа»⁵.

Если даже признать эти разногласия только «тактическими»,⁶ то не надо забывать, что в периоды революции и в моменты непосредственного восстания вопросы тактики, вопросы практического поведения порой не менее резко выявляют классовую сущность политических группировок, чем их программно-теоретические построения. Для французской же революции, при отсутствии «писанных программ», значение «тактических разногласий», особенно по такому вопросу, как отношение к жирондистам — представителям крупной и верхних слоев средней буржуазии — является особенно характерным.

Но были и другие моменты, отделявшие Бешеных в особую группировку. Если уже 19-го мая депутация Кордельеров и революционных женщин, примыкая к платформе Бешеных⁷, связывала обвинительный декрет против жи-

¹ Варле.

² Maurice Tourneux, *Procès verbaux de la Commune de Paris*, стр. 136—151. В протоколе секции Molière et Lafontaine комиссары секции тоже указывают, что «Варле предложил принять самые крайние меры, но что Совет ограничился посылкой в Конвент комиссаров с целью информации (Tutey, т. 8. № 2820)». S. d. J., т. V, стр. 222.

³ S. d. J., т. V, стр. 222.

⁴ Buchez et Roux, т. 28, Зас. Коммуны 4 июня.

⁵ Jaurès, *La Convention*, т. IV, стр. 1382.

⁶ См. статью Г. Фридлянда в т. II «Историка-Марксиста».

⁷ S. d. J., т. V, 198—199.

гондистов с требованием немедленного ареста всех подозрительных, спешной организации в каждом городе революционной армии, оплачиваемой за счет богатых, если она уже тогда призывала «ударить по вздувателям цен, скупщикам и торговцам-эгоистам», то, конечно, результаты победоносных дней 31-го мая — 2-го июня, приведших всего лишь к исключению из Конвента и домашнему аресту группы жирондистов, не могли удовлетворить Бешеных. Программа их ближайших требований была давно готова¹, и успех восстания мог только усилить энергию Бешеных.

Отстаивая интересы наименее обеспеченных слоев городского населения — ремесленников и наемных рабочих, больше других страдавших от наступившей дороговизны и падения курса ассигнатов, Бешеные настойчиво требуют:

- 1) введения твердых цен на все предметы первой необходимости;
- 2) неумолимой борьбы со скупщиками и спекулянтами;
- 3) запрещения торговли звонкой монетой;
- 4) смещения бывших дворян и священников со всех гражданских и военных должностей;
- 5) ареста всех подозрительных,

и б) создания революционной армии из санкюлотов Парижа и других городов для проведения в жизнь этих мероприятий. В июне 1793 года, после победы над жирондистами, к этому прибавилось лишь требование включить все эти пункты в конституционный акт, спешно разработывавшийся в особой комиссии Конвента.

Зная социальный состав генералитета, правительственных комитетов, министерств и их канцелярий, наконец, состав самого Конвента, где было много бывших дворян и священников; зная отношение робеспьеристов к максимуму, как закону «временному и скоропреходящему», «вызванному чрезвычайными обстоятельствами», а отчасти даже и «внушенному иностранцами»², можно было наперед сказать, что между Бешеными и остальными группами монтаньяров, захватившими власть в свои руки, разгорится отчаянная борьба. Средние и более зажиточные слои мелкой буржуазии, интересами которых руководился Конвент летом и осенью 93 года, те „fabricants-ouvriers“ и „marchands-détailleurs“, о которых так красноречиво говорил Барер, отнюдь не были склонны к проведению социально-экономических требований

¹ См. речи Ру 17 мая и 1 декабря 1792 г. (Discours sur les moyens de sauver la France et la liberté, Discours sur le jugement de Louis le dernier, sur la poursuite des agioteurs, des accapareurs et des traîtres), речь Ру в Коммуне по поводу беспорядков 25 февраля 1793 г. и работы Варле: «Voeux formés par des Français libres» (проект петиции на Марсовом поле, принятый секцией Прав Человека еще 6-го августа 92 г.) и «Projet d'un mandat impératif, составленный Варле в декабре 1792 г. (Arch. Parl. т. 54, стр. 719).

² См. напр. речи Робеспьера от 2-го декабря 1792 г., 4 октября 1793 г., 26-го июля 1794 г.; речи Сен Жюста от 29 ноября 1792 г., 10-го октября 1793 г. и его «Institutions».

Ру и Леклерка и, в частности, очень холодно относились к их проекту о всеобщем максимуме¹.

И неудивительно, что правящие круги Конвента с нескрываемым беспокойством следили за тем ростом влияния Бешеных, который наблюдался в июне 1793 года.

Действительно, если в дни восстания Совет Коммуны еще колеблется между предложениями Бешеных и осторожной тактикой Гебера-Шометта, то уже 2-го июня Генеральный Совет постановляет вместе с требованием об аресте жирондистов, что «начиная с этой недели декрет о максимуме на зерно будет приведен в исполнение²», будет организована революционная армия и собран принудительный заем³. Согласно решению Совета⁴ отныне «ни один прежний дворянин или непричастный священник не может выполнять обязанности офицера или государственного служащего»; тогда же «секциям предлагается исключить из их гражданских и революционных комитетов всех, подписавших петиции 8 и 20 тысяч, равно как и членов клубов Фельянов и Сен-Шапелль».

В это время Коммуна не только выполняет ближайшие требования Бешеных, но и самые вожди их быстро выдвигаются в первые ряды. Так, Жаку Ру поручается написать историю происходящей революции; он же посылается в секцию Финистер «для разъяснения текущих событий»⁵; наконец, 12-го мая он выбирается одним из редакторов „Affiches de la Commune“ — официального органа Парижской Коммуны.

В дни, непосредственно следовавшие за победой над жирондистами, Варле также нередко выступает на заседаниях Генер. Совета — каждый раз с большим успехом.

Так, 8-го июня он оглашает составленную им Декларацию прав человека⁶; 11-го Совет официально поручает ему выяснить причины ареста «защитника цветных рас», некоего гражданина Лабюиссоньер; 15-го Варле произносит речь по поводу взятия Сомюра и требует подать в Конвент адрес о том, чтобы ни один бывший дворянин не состоял на службе Республики⁷. Наконец, в тот же день секция Варле (Droit de l'Homme) требует подать в Конвент петицию о таксе на все продукты.

Влияние Бешеных в этот период (начало и середина июня 93 г.) не ограничивается Коммуной; они продолжают играть руководящую роль в клубе Кордельеров, пытаясь вместе с тем распространить свое влияние и на Общество Друзей Свободы и Равенства и на самый Конвент.

¹ Недаром еще Бюшез и Ру в своей «Histoire parlementaire» отмечают тот «крен направо», который виден в политике правящих групп Конвента летом 1793-го года, непосредственно после победы над жирондистами.

² Хотя декрет о максимуме был принят еще 4-го мая, однако фактически он еще не применялся ни в Париже, ни в департаментах.

³ B. et Roux, т. 27, стр. 375.

⁴ Moniteur, т. 16, стр. 550.

⁵ B. et Roux, т. 27, стр. 311—312.

⁶ Moniteur, 15, стр. 606.

⁷ Ibid., 16, 651.

Так, 16-го июня делегация Кордельеров настаивает в Конвенте на скорейшем создании революционной армии¹; 20-го июня Жак Ру выступает в клубе Кордельеров² с требованием включить в Конституцию пункт о том, что «нация охраняет свободу торговли, и карает смертью ажиотаж и ростовщичество», и вместе с Варле и Леклерком выбирается в состав редакторов адреса, направляемого с этой целью в Конвент; наконец, 23-го июня депутация Кордельеров оглашает проект этого адреса в Якобинском клубе. Здесь снова повторяются важнейшие требования Бешеных: «Прогоните дворян со всех гражданских и военных должностей»; «заставьте декретировать смену всех штабов; добейтесь, в особенности, декрета, освящающего тот великий принцип, что продовольствие является народным достоянием; добейтесь декрета о смертной казни скупщикам и организации революционной армии из всех санкютов Парижа» — вот важнейшие пункты адреса³. И знаменательно, что эти основные требования Бешеных встречают на этот раз поддержку и в Якобинском клубе — «Общество (Друзей Свободы и Равенства) примыкает к этим предложениям и рукоплещет рвению Общества Кордельеров» — читаем мы в протоколе Якобинцев.

Положение явно становилось серьезным. Влияние Бешеных все увеличивается и готовится захлестнуть не только *Sociétés Populaires*, но и «установленные власти». Гебер готов передать Коммуне «счастливую идею» Жака Ру и даже в Конвенте раздаются речи Шабо, будущего героя процесса по делам Индийской компании, повторяющего на этот раз наиболее популярные лозунги Бешеных. Поэтому немудрено, что когда Жак Ру, заручившись косвенным согласием Якобинцев и прямой поддержкой Кордельеров вместе с секциями Бон-Нуэль (секция Гебера) и Правилье (секция Жака Ру), готовится выступить в Конвенте, то здесь он встречается с сильной оппозицией, во главе которой стоит Робеспьер. Именно по настоянию Робеспьера выступление Ру переносится с 23-го на 25-е июня (очевидно, с тем, чтобы приготовить ему достойный отпор), и в этот день все монтаньяры Конвента ополчаются на вождя Бешеных. — И Робеспьер, и Марат, и левые монтаньяры в лице Леонарда Бурдона и Колю д'Эрбуа дружно стараются опорочить Ру и его петицию⁴. «Быть может, Варле только безмозглый интриган, но маленький Леклерк — повидимому очень ловкий жулик», пишет Марат 4-го июля в своем журнале⁵, называя Жака Ру лицемер *patriote de circonstances*.

По мнению Марата, «самый жестокий бич, который мы должны победить во имя торжества свободы — это не аристократы, роялисты и контр-революционеры, а экзальтированные лжепатриоты, которые кичатся своей маской гражданственности для того, чтобы

¹ Ibid., 16, 667.

² Mathiez, *Les Enragés contre la Constitution de 1793*.

³ Soc. des Jac. т. V, 273.

⁴ Заседание 25 июня и текст петиции Жака Ру См. в Arch. Parl., т. 67, стр. 455 и след.

⁵ Jaurès, 1622.

вовлечь в заблуждение добрых граждан и довести их до буйных, безрассудных, случайных и гибельных выступлений».

Борьба против Бешеных переносится в Коммуну и в оба клуба, а разъярившиеся в Париже 26—28 июня продовольственные беспорядки оказались лишь маслом, подлитым в огонь партийной борьбы. Монтаньяры Конвента воспользовались ими, чтобы представить Бешеных, как апостолов грабежа, анархии и смуты, и этим напугать те слои мелких ремесленников, которые, идя за Бешеными, все же больше всего дрожали за те мелкие крохи частной собственности, которыми они еще владели.

Устами Шюметта петиция Жака Ру клеймится «как призыв к грабежу и нарушению права собственности» и чуть ли не официально объявляется «причиной всех беспорядков, вызывающих у добрых граждан опасение за их собственность»¹.

Коммуна образует далее особую комиссию «для расследования причин беспорядков» и для предания виновных «всей строгости законов»²), 29-го июня Совет уже смещает Ру с поста редактора „Affiches de la Commune“, а 1-го июля официально выражает ему свое недоверие³.

Однако, борьба Бешеных против „nobles, prêtres et accapareurs“ была в Париже слишком популярной для того, чтобы монтаньяры Конвента могли одержать победу. Удачным маневром Робеспьер переносит борьбу с Бешеными на почву политических вопросов. Выступление Бешеных за включение в Конституционный Акт ряда социально-экономических требований, на которых настаивал Ру 25-го июня, Робеспьер и его сторонники, еще 10 июня не считавшие Конституцию законченной и соглашавшиеся прибавить к ней «те демократические пункты, которых в ней недостает», (см. речь Робеспьера 10/VI, S. d. J. t. V. 248), искусно выставляют теперь, как борьбу Бешеных против самой конституции. «Под тем предлогом, что в Конституции нет законов против скупщиков, он (Ру) утверждает, что она не годится для того народа, в интересах которого она составлена», говорит Робеспьер на заседании Якобинского клуба 28/V 93 г.⁴, приписывая Жаку Ру то, чего последний никогда не говорил⁵.

Этот политический маневр Робеспьера оказался чрезвычайно удачным. Необходимость спешно выработать и принять Конституцию, устранив этим

¹ Moniteur, т. XVII, стр. 2 и след., засед. Коммуны 28/VI.

² Ibid., т. 16, стр. 762.

³ Ibid., т. 17, стр. 10, 27.

⁴ S. d. J. T. V, стр. 277—280.

⁵ В действительности «врагами» конституции 93 года Бешеные не были никогда, и как раз в июле, т.-е. в разгар борьбы с Робеспьером, Ру клянется, что «его мезью будет его уважение к республиканской конституции» (см. письмо Ру к Марату в Ann. Révol., июль—сентябрь 1916 года), которая, к сожалению, еще недостаточно прочно укрепилась. А в № 246 «Publiciste» от 23/VII Ру прямо восхваляет «истинно республиканскую конституцию, которая сосредоточит на себе взоры ученых, вызовет одобрение добродетельных и сольет все народы в единую семью философов, друзей и братьев» (См. фотоснимки журнала Ру, находящиеся в Институте Маркса и Энгельса).

бросавшиеся жирондистами обвинения как в «дезорганизаторстве», так и в стремлении к диктатуре, и привлечь тем самым на сторону «очищенного» Конвента «зараженные федерализмом» департаменты,—была ясна основной массе Парижан. Поэтому, когда Робеспьер на заседании Якоб. клуба 28-го июня раздражается прозой речью против Ру, говоря о необходимости «укрепить единство Республики», и гарантировать Конвент от всяких посягательств на его достоинство, и ни слова не упоминает о социальных-экономических требованиях Бешеных, бывших бесспорно центром их выступления в Конвенте; когда Колло д'Эрбуа в свою очередь обвиняет Ру в стремлении «вызвать беспорядки и привести к анархии»,—то ни одного возражения не слышится из среды Якобинцев, так недавно еще рукоплескавших «усердию Кордельеров». Да и на заседании Кордельеров 30-го июня, куда Якобинцы послали особую делегацию из членов, состоящих одновременно в двух этих обществах, Ру потерпел поражение.

Повидимому, только Моморо, видевший в петиции Ру «истинные принципы, плохо понятые Горой»¹, сделал слабую попытку примирить враждующие стороны², что не помешало однако Кордельерам исключить из своей среды Ру и Леклерка и временно запретить Варле посещать заседания Общества.—Это был первый и решительный успех Робеспьеровцев, одержанный ими над наиболее крайней группировкой того времени; но это еще далеко не было концом Бешеных.

Революционный процесс, все более и более обостряя классовые противоречия, тем самым обособлял интересы ремесленников и наемных рабочих, особенно страдавших от дороговизны, а Робеспьеровцы еще не решались открыто выступить против тех революционных организаций, на которые опирались Ру, Варле и Леклерк.

Время работало на Бешеных, а кличка «дезорганизаторов» и «анархистов», привешенная к ним монтаньярами так же произвольно, как она раньше применялась жирондистами по отношению к самим монтаньярам³, нисколько не уменьшала остроты продовольственного вопроса, а тем самым и популярности основного экономического требования Бешеных—введения твердых цен на все предметы широкого потребления.

Убийство Марата Шарлоттою Корде, вызвавшее в Париже взрыв негодования, повело к новому усилению агитации Бешеных. Ру и Леклерк издают журналы, посвященные памяти «Друга народа», где Леклерк прямо требует смерти всех скупщиков⁴ и очень отчетливо формулирует все ту же программу Бешеных.

«Народ, можешь ли ты пожаловаться на своих законодателей?»⁵ — с гневной иронией спрашивает Леклерк в номере своего журнала от 6-го

¹ B. et Roux, т. 28, стр. 220 и след.

² Ibid., заседание Кордельеров 30 июня.

³ См. напр. памфлеты Бриссо «A mes commettants» и «A tous les républicains de la France».

⁴ 26-го июля 93 г. Конвент был вынужден издать декрет о смертной казни скупщиков.

⁵ Mathiez, L'agitation sectionnaire à Paris en août 1793.

августа¹. «Ты требовал у них таксации всех предметов первой необходимости,—тебе в этом отказано; ареста всех подозрительных—он до сих пор не декретирован; исключения дворян и священников со всех гражданских и военных должностей,—а к этому еще и не приступили!».

Жак Ру тоже возмущается неисполнением декрета о максимуме, и требует ареста банкиров и гильотины для продажных депутатов.—«Революция не дала беднякам и рабочим того, что они вправе были ожидать от нее», пишет он в своей брошюре «О причинах несчастий Французской Республики». — «Я обличаю тех лицемеров, кому уравниение общества кажется химерой²; депутатов-изменников, министров, вверивших спасение государства в преступные руки; гражданских и военных чиновников, коотрые пренебрегли выполнением наших законов», ультрамонтантских шарлатанов, кровожадных атеистов, эгоистов, банкиров, скупщиков, всех, у кого революция в голове, но контр-революция в сердце»³.

Потеряв опору в Коммуне и вынужденные уйти из клуба Кордельеров, Бешеные тем сильнее развивают свою агитацию в секциях и других народных обществах, в частности в Обществе Революционных Женщин. Председательница этого Общества, актриса Лакомб, выдвинулась еще в эпоху революции 10-го августа, и весной 1793 года уже выступала у Якобинцев то с требованием «взять в качестве заложников Парижских аристократов и их семьи⁴, то с предложением организовать женский батальон «для уничтожения аристократов»⁵.

19-го мая это Общество⁶ поддерживает уже приводившуюся выше петицию Кордельерского клуба, а 10 июня вице-председательница Революционных Женщин Полина Леон, будущая жена Леклерка (см. статьи Матьеза в Ann. hist.) представляет в Якобинский клуб уже отдельную петицию об исключении дворян со всех должностей⁷.

Все эти выступления носят на себе несомненный отпечаток влияния Бешеных; немудрено, что и в августе-сентябре 1793 года Общество Республиканок-Революционерок тоже поддерживает их. На этот раз борьба действительно не ограничивается кругом социально-экономических вопросов. Она сразу переходит и на почву политическую, где центром ее становится вопрос о сроке введения в жизнь конституции 93 г. Те самые группы монтаньяров, которые так рьяно защищали Конституционный акт от какой-либо критики, (в особенности же от стремления Бешеных закрепить в нем социально-экономические требования городской бедноты)—как раз именно они уже в августе 93-го года ратуют за необходимость от-

¹ Явный выпад против Робеспьера, утверждавшего, что «Общественное равенство—это химера».

² Полный текст памфлета Ру «Discours sur les causes des malheurs de la République française» имеется, в виде фотоснимка, в Институте Маркса и Энгельса.

³ S. d. J., т. V. 123, зас. 3-го апреля 1793-го года.

⁴ Ibid., т. V. 212, зас. 27 мая 93 г.

⁵ Ibid., т. V, 198.

⁶ Ibid., т. V, 298.

срочить введение Конституции, именно они выдвигают и отстаивают проект о создании «временного правительства», не желая «бросать конституционный корабль на произвол встречных ветров».

Действительно, если в июне 1793 г. для успокоения страны, охваченной «федералистским движением», понадобилось чуть не в недельный срок выработать и представить в Конвент проект новой Конституции, могущей стать «центром объединения» Франции; если для успокоения правых кругов из нее был выкинут ряд социально-экономических моментов¹), то при введении Конституции в действие в тот момент, когда пал Валансьен и войска коалиции шли на Париж, прозимо сорвать только что налаживавшееся единство правительственной власти и тем самым ставило под удар успех внешней обороны Республики. Не говоря уже о трудности проведения выборов в обстановке пражданской войны, роспуск Конвента и замена его новой Легислативой, выбранной путем прямого голосования по кантонам (§§ 8, 11, 22 конституции), создание особого Исполнительного Комитета из списка кандидатов, выдвигаемых департаментами (§ 63), несомненно превратили бы правительство Франции в арену новой ожесточенной борьбы партийных кллик. Это отнюдь не соответствовало ни требованиям обороны Республики, ни интересам тех групп монтаньяров, которые захватили в свои руки правительственную власть и обеспечили себе большинство в Конвенте путем исключения жирондистов. Руководители Конвента имели серьезное основание опасаться, что в новое законодательное собрание попали бы с одной стороны—единомышленники только что исключенных из Конвента жирондистов, если не они сами², с другой—представители левых течений. Шометт, Гебер, Моморо, Венсан,—а, пожалуй, даже Варле, Ру и Леклерк могли надеяться стать членами новой Легислативы³.

Оппозиция, как справа, так и слева, которая летом и осенью 93-го года действовала главным образом за пределами Конвента, могла в результате перевыборов получить значительное число мест в центральном законодательном органе и тем лишить правящую группу монтаньяров необходимого для опоры правительственной политики большинства. Вместе с тем, для успешной борьбы с крайними группировками, опиравшимися на низовые революционные организации, очевидно, приходилось вступить на путь ограничения прав и самостоятельности последних и создать для этой цели сильную центральную власть, могущую положить предел вредной агитации «ультрареволюционных» «лжепатриотов». Поэтому, еще в то время, когда Конституционный Акт далеко не был принят первичными собраниями Фран-

¹ В нее даже не вошло то ограничительное толкование права собственности, которое предлагал Робеспьер в своей «Декларации прав» весной 1793 года, до победы над жирондистами.

² Об опасной возможности выборов в новую Легислативу «бриссотинцев» открыто говорит Шабо на заседании Якобинского клуба 4-го августа (S. d. J, т. V, 327—328)

³ И Ру и Варле еще осенью 92 г., при выборах в Конвент, прошли в состав выборщиков; в письме к Марату в июле 93 г. Ру прямо указывает, что «приближается время выборов, и ты боишься, чтоб народ не голосовал за меня».

ции, еще задолго до торжественного празднования годовщины революции 10-го августа, где Эро де Сешель произнес перед статуей Природы свою хвалебную речь во славу новой Конституции, еще задолго до всего этого среди монтаньяров рождается мысль о необходимости отсрочить введение конституции и создать сильное, централизованное «временное правительство». Честь внесения этого проекта бесспорно принадлежит Дантону; но все видные лидеры монтаньяров Конвента—Сен-Жюст, Робеспьер, Карно, Бильо-Варенн,—даже сам автор конституции Эро де Сешель, приложили к нему свою руку и активно участвовали в борьбе за «временное правительство» против введения той злополучной конституции 93 года, творцами которой они являлись, и которой так и не суждено было стать действующим законом. В стремлении создать для Франции «сильную власть» объединились все группы Конвента¹; только иногда отдельные члены Комитета Общественного Спасения, превращаемого в верховный правительственный орган, скромно возражают против расширения его полномочий, явно стараясь подчеркнуть при этом отсутствие у себя личного властолюбия или каких-либо честолюбивых замыслов.

На заседании Конвента 1-го августа, всего через несколько дней после вхождения Робеспьера в Комитет Общественного Спасения², именно Дантон выступает с энергичной речью, настаивая на необходимости «придать этому учреждению всю ту энергию и значение, которые ему свойственны»³. «Я требую», говорит он, «чтоб Конвент превратил свой Комитет Обществ. Спасения во временное правительство; чтобы министры были только первыми агентами этого временного правительства; чтобы в распоряжение этого правительства было предоставлено 50 миллионов ливров». «на политические расходы, вызываемые подлостью наших врагов».

Робеспьер, выступающий после Дантона, с обычной своей уклончивостью заявляет, что предложение недостаточно ясно; но все же рекомендует передать его в Комитет Обществ. Спасения—на рассмотрение. Следующая затем горячая реплика Дантона особенно любопытна; Дантон возмущенно заявляет, что так как «на него одного сваливают(!) тяжесть того предложения, которое он сделал только после выяснения мнения из своих коллег, в частности членов Комитета Общ. Спасения», то он никогда не войдет в состав этого Комитета. Таким образом, участие членов Комитета Общественного Спасения даже в этом

¹ Сходство дантоновской и робеспьеровской позиции осенью 93 года по этому основному тогда вопросу необходимо подчеркнуть, так как напр., Матьез уже в этот период готов видеть в предложениях Дантона ряд выпадов и козней против Робеспьера. Между тем, не надо забывать, что именно в сентябре 93 года (6/IX) Дантон, вместе с Коллодд, Эрбуа и Бильо-Варенном, был выбран в Комитет Общественного Спасения единогласным вотумом Конвента и не вошел туда только по собственному отказу, ссылаясь на ранее данную им клятву никогда не быть членом того Комитета, на расширении полномочий которого он настаивал.

² Робеспьер стал членом К. О. С. 27-го июля 1793 г. вместо вышедшего по болезни Гаспарена.

³ *Moniteur*, т. 17, стр. 294 и след.

первоначальном проекте «временного правительства» подтверждается с достаточной ясностью. В прениях Кутон, Делакруа, Тюрию, Жанбон-Сент-Андре—все поочередно высказываются за необходимость сильной центральной власти. А если некоторые из них и возражают против передачи в распоряжение Комитета крупных денежных средств, то Конвент очевидно отлично понимает несерьезность выставляемых доводов и именно эту меру декретирует 2-го августа, после доклада Эро де Сешелля, выступавшего от имени Комитета Общ. Спасения.—Конвент соглашается с мнением докладчика, считавшего, что «Комитет Общественного Спасения наделен всеми необходимыми полномочиями», и что не стоит менять его названия (оно ведь не меняет сущности дела); Конвент декретирует, что Комитет «будет оставлен таким, как он есть»—передает однако в его распоряжение те 50 миллионов ливров, о которых шла речь.

Конечно, ни предложение Дантона, ни вызванный им декрет Конвента не могли не встретить возрожений со стороны Бешеных. И Жак Ру и Леклерк¹ немедленно выступили в прессе против проекта о превращении Комитета Общ. Спасения во временное правительство².

Действительно, как общие политические взгляды Бешеных, так и та конкретная политическая ситуация, которая сложилась в Париже осенью 93-го года, делали борьбу Бешеных против Дантоновского проекта совершенно неизбежной.

Выросши в знаменитый декрет 14-го фримера, этот проект очень существенно ограничивал права революционных организаций, сводил нанет принцип выборности местных властей и устанавливал во Франции диктатуру Комитета Общественного Спасения, вместо проведения принципов политической демократии и народного суверенитета, обещанных Декларацией Прав и Конституцией 93-го года.

Между тем, еще в своем «Проекте императивного мандата народным уполномоченным и Национальному Конвенту» (декабрь 1792 г.)³ Варле выступает, как сторонник крайней и последовательной демократии⁴.

Защищая принцип неотчуждаемости народного суверенитета, он требует составления для депутатов императивного мандата, строго очерчивающего круг их полномочий, настаивает на праве первичных собраний отзывать депутатов и на непосредственной санкции народом всех выработываемых законопроектов и устанавливаемых налогов. «Депутаты, вы больше не будете нашими представителями, вы будете лишь

¹ В. et Roux, т. 28.

² «Свобода будет быстро уничтожена.... если один Комитет сосредоточит в своих руках одновременно несколько полномочий, если он превратится в Центральный Комитет, в правительство, и если в его распоряжение будет передана сумма в 50 миллионов,» восклицает Ру. «Ведь история учит нас, что Римские сенаторы не замедлили заковать народ в цепи, когда они завладели гражданским листом». (Publi-ciste, № 256 от 14 августа 1793 г.)

³ Arch. Parlem., т. 54, стр. 719.

⁴ Наличие у Бешеных определенной политической программы важно отметить особенно потому, что историки нередко о ней умалчивают.

уполномоченными (mandataires), пишет Варле, ибо в принципе—наш неотчуждаемый суверенитет не может быть ни делегирован, ни представлен».

Особенно подчеркивает Варле право народа о б с у ж д а т ь в первичных собраниях свои важнейшие интересы, без чего право народной санкции было бы по его мнению «иллюзорным и невыполнимым»; наконец, он требует включить в Декларацию Права «естественное право граждан выбирать в собраниях путем прямого голосования на все общественные должности». «Граждане,—вы не потерпите, чтоб ваши уполномоченные, хотя бы малейшим образом, посягнули на законность ваших прав», вторит ему тогда же Жак Ру¹, восставая против «сенаторского деспотизма» — и «вероломных агентов». «Самый ужасный деспотизм это тот, который распространяется при правлении немногих», читаем в бумагах Ру, взятых у него при обыске 24 августа 1793 г. «История учит нас, что римляне, избавившись от ига монархии, стали страдать от ига сенаторов».

Будучи сторонником непосредственной демократии в духе Руссо, опираясь как раз на те низовые революционные организации, права которых суживались декретами о временном правительстве; находясь осенью 93 года в оппозиции к Комитету Обществ. Спасения, защищавшему интересы средних и более зажиточных слоев мелкой буржуазии и упорно саботировавшему социально-экономические требования городской бедноты; являясь представителем этой последней и надеясь на то, что введение Конституции и связанные с нею перевыборы Конвента усилят влияние его сторонников,—Варле, конечно, мог только с крайней враждебностью отнестись к тому «временному революционному правительству», которое было установлено во Франции декретами 19-го вандемьера—14 фримера II-го года, основой для которых послужил дантоновский проект.

«Республиканцы»², пишет Варле в одной из своих более поздних брошюр, «только в революционном правительстве³ надо искать причину того угнетения, от которого Республика страдала со времени достопамятных дней 31 мая, 1 и 2-го июня... Среди патриотов, выбранных для спасения отечества во время революции 31 мая, были патриоты честные, выбранные народом и восставшие вместе с ним для защиты принципов и для введения республиканской конституции. И там же были интриганы, посланцы самой разрушительной из клик.

«Эта шайка Калигулы увидела в падении бриссотинцев только широкое поле, открытое для ее честолюбия... Фальшивые инсургенты заменили Бриссо Робеспьером, а федерализм — возмутительной диктатурой, укра-

¹ Discours sur le jugement de Louis le dernier sur la poursuite des agioteurs, des accapareurs et traitres. Цитировано по Mathiez, Les Enragés et la eutte, pour le maximum, № 4, 1917. Ann. rév.

² Varlet, Gare L'explosion.

³ По контексту видно, что этот термин надо применять именно в отношении к «временному революционному правительству», установленному во Франции осенью II года

шенной именем общественного спасения... Я остался чужд революционному правительству, за исключением тех периодов, когда считал своим долгом бороться с ним. Пусть лучше погибнет революционное правительство, чем принцип,—воскликает Варле, защищая принцип народного суверенитета и ставя эту фразу девизом всего памфлета. Правда, эта брошюра Варле написана им в вандемьере III-го года, когда он сидел в тюрьме за свою деятельность в club electoral, но приведенные из нее здесь выдержки несомненно говорят об осени и зиме II-го года, когда во Франции росло и укреплялось «временное правительство» наперекор только что принятой конституции¹. И будущий лозунг прериальского восстания—«Хлеба и конституции 93-го года», равно как и деятельность самого Варле осенью и зимой 94 года в Избирательном клубе,—несомненно имеют свои корни в агитации и борьбе Бешеных еще осенью 1793 года, и, в частности, в днях 4-го—5-го сентября.

Как уже упоминалось, ко дню 10-го августа 1793 г. в Париже должны были собраться делегаты первичных собраний на торжественный праздник в честь годовщины восстания и принятия той самой конституции, об отложении которой уже шли разговоры в Конвенте.

Повидимому, Бешеные возлагали на этот день некоторые надежды. Жак Ру прямо говорил, что «день 10-го августа станет могилой всех скупщиков»; журналы, посвященные «тени Марата», составляются в резком, повышенном тоне; наконец, в секциях снова нарастают продовольственные волнения. В Епископстве вновь собираются комиссары большинства секций и, выражая явное недоверие Коммуне, требуют у администрации продовольствия немедленного представления отчета².

Наконец, клуб Кордельеров, хотя и «очищенный» от Ру, Варле, и Леклерка,—в лице своих теперешних руководителей тоже повидимому примыкает к агитации Бешеных. Не кто иной, как Венсан, один из секретарей клуба выступает у Якобинцев в защиту конституции³.—«Он упрекает Дантона и Делакруа за тот декрет, который они вызвали по вопросу о превращении Комитета Общественного Спасения в Правительственный Комитет», читаем мы в протоколах Якобинского Общества; «он считает, что этот декрет является посягательством на народный суверенитет, что он противоречит Конституции и исходит от заговор-

¹ «Мне не приходится краснеть из-за того, что я поддерживал тирана», пишет Варле летом 1795 г. из тюрьмы Bicêtre. В ответ на обвинение в оппозиции «революционному правительству» он гордо заявляет, что ему нечего оправдываться, ибо такое обвинение «делает ему честь».—«Подобно колеблющимся гражданам, поступающим в зависимости от обстоятельств, я не выжидал того момента, когда падут заговорщики, чтоб нанести им удар.... Я горжусь возможностью напомнить в этот момент, что я атаковал революционное правительство с момента его рождения, выступая у решетки Конвента от имени 27 секций. Петиция против 40 су.... была прямой оппозицией законам и революционному правительству», пишет Варле в мае 1795 г., характеризуя ту позицию, которую он занимал осенью II-го года. («Le citoyen Varlet, prisonnier à la Force, en réponse à ses motifs d'arrestation»).

² Mathiez. Le vote du maximum général.

³ S. d. J. т. V, стр. 329.

щиков. Показав, что Комитет Общественного Спасения, захватив все полномочия, сам превратился бы в чудовищную власть, Венсан хочет, чтобы Общество занялось обсуждением тех средств, которые никогда не допустили бы издания подобного декрета».

Выступление Венсана, повидимому, было каплей, переполнившей чашу. На этом же заседании Робеспьер ополчается против Венсана, резко осуждая тех, «новоявленных патриотов», которые хотят погубить в глазах народа его лучших друзей; он снова промнит Ру и Леклерка, которые «чрезвычайно патристическими фразами заставляют думать, что его новые друзья усерднее, чем прежние». Характерно, что в ответ именно на Венсановское выступление против Дантона за его проект о «временном правительстве» Робеспьер восхваляет Дантона, «против которого никто не имеет права выдвинут ни малейшего(!) упрека». И несомненно по наущению Робеспьера на заседании Конвента 8-го августа выступает «вдова Марата»¹ и, явно утрируя борьбу Бешеных против проектов о «временном правительстве», говорит об их желании уничтожить «всякий род правительства». Она жалуется на Ру и Леклерка за то, что они используют имя Марата, и никто иной, как тот же Робеспьер предлагает Комитету Обществ. Безопасности «расследовать поведение этих двух продажных писателей». Все это показывает, насколько агитация Бешеных тревожила Робеспьера. 7-го августа он определенно указывает на возможность беспорядков, направленных на «грабеж магазинов», на избивание по тюрьмам» и защищает мэра и начальника Национал. Гвардий, принявших по этому поводу «необходимые меры».

Однако, 10-ое августа проходит спокойно. И не далее, как 11-го, на другой же день после торжественного праздника в честь Конституции, Робеспьер уже считает возможным открыто выступить перед делегатами первичных собраний против ее введения в жизнь². Когда Делакура, друг Дантона, желая повидимому замаскировать отсрочку введения Конституции каким-либо законным предлогом, провел в Конvente³ декрет о том, чтобы каждый кантон составил список населения для распределения избирательных округов при выборах в будущую Легислативу⁴, то Робеспьер вечером того же дня резко заявляет в Якобин. клубе, что «не будет коснеть членом Комитета или Собраниа, которому предстоит исчезнуть». «Я заявляю», говорит он, «что ничто не может спасти Республику если... Конвент «разойдется и будет заменен Законодательным Собранием. Об опасности перевыборов Конвента Робеспьер повторяет и на заседании клуба 23 августа⁵. С своей стороны Бешеные не остаются в долгу, Леклерк энергично возражает Робеспьеру в своем журнале, где он, по свидетельству полицейских

¹ Archiv. Parl. том 70, стр. 527.

² Aulard, S. d. Jac., V., стр. 343.

³ Moniteur, т. 17, стр. 366.

⁴ При слабости административной техники того времени процедура составления списков должна была занять не менее нескольких месяцев.

⁵ S. d. J, т. V, стр. 372.

агентов, «все время требует скорейших перевыборов Нац. Конвента»¹.

Жак Ру тоже не прекращает своей агитации. В № 259 «Publiciste» он публикует резкий ответ «так называемой вдове Марата». Он проводит в секции Гравилье адрес Конвенту, где требует «смены установленных властей» и чуть ли не обвиняет самого мэра в скупничестве»²; 19-го августа он даже пытается произвести в своей секции нечто вроде переворота. По рассказу Гражданского и Революционного Комитетов секции Гравилье, Жаку Ру удается «сместить председателя, заставить выбрать себя на его место» и даже произвести несколько незаконных и произвольных арестов»³. Однако, Генер. Совет Коммуны, по предложению Шометта, немедленно посылает в секцию комиссаров «для восстановления там законного порядка», а полицейское управление тогда же арестует Жака Ру по взведенному на него совершенно нелепому обвинению в растрате общественных сумм в бытность его казначеем Кордельерского клуба⁴.

Наконец, в те же дни (25/VIII) пражданка Лакомб является в Конвент во главе делегации от «Революционных Женщин» и требует «исполнения конституционных законов». «Мы требовали так прямо конституцию вовсе не для того, чтобы она безнаказанно нарушалась», заявляет она⁵.

Сдача Тулона англичанам, весть о которой дошла в Париж 2-го сентября, чрезвычайно обострила и без того серьезное политическое положение и вызвала крупные беспорядки.

Недаром ярый сторонник террора—левый монтаньяр Бильо Варенн, еще не вошедший тогда в Комитет Общ. Спасения, настаивает на том, чтобы известие о сдаче Тулона было немедленно сообщено Парижанам. «В сентябре прошлого года, когда народу сказали об успехах неприятеля на нашей территории, он восстал и заставил всех врагов исчезнуть с лица свободной земли»⁶, говорит Бильо. Это было явное указание на сентябрьскую резню» 1792-го года, если не открытый призыв к ее повторению.

Наступают знаменательные дни 4—5-го сентября, когда Конвент и Коммуна оказались захлеснутыми народным движением, когда был в принципе декретирован всеобщий максимум, создана Революционная армия, и террор поставлен в порядок дня.

Трудно сказать, являлись ли Бешеные определенными руководителями движения. Да и вряд ли оно имело настолько организованный характер,

¹ Caron, Paris pendant la terreur, т. I, стр. 66, сообщение Latour Lamontagne.

² Caron, *ibid.*, стр. 18.

³ Moniteur, 17, 461.

⁴ За полным отсутствием улик, Жака Ру пришлось через несколько недель выпустить на поруки, б. м., благодаря заступничеству за него секции Гравилье, которая дважды протестует против его ареста и заявляет, что «Жак Ру не утратил ее доверия» (Moniteur, т. 17, стр. 505). Быть может, именно в связи с арестом Ру и близкая к Бешеным секция Обсерватуар в том же заседании Коммуны требует «арестовать мэра, прокурора Коммуны и их заместителей». (Н. Moniteur, *ibid.*)

⁵ Moniteur, т. 17, стр. 503.

⁶ Moniteur, 17, стр. 493.

чтоб можно было вообще говорить о правильном руководстве им со стороны какой-либо «партийной клики». Но непосредственное участие в нем Бешеных¹ является неоспоримым фактом; требования, выдвинутые демонстрантами, были давно уже лозунгами Ру, Варле и Леклерка, а связанные с этими волнениями репрессии в первую очередь направляются против Бешеных и против Парижских секций, как их главной опоры². Если Бешеные и не были непосредственными организаторами движения, то во всяком случае оно примыкало к их агитации и находилось под их влиянием.

Какие же группы населения в нем участвовали?

Еще 4-го сентября Шомет докладывает в Конвенте³ о волнениях происходящих среди рабочих: «Сегодня утром», говорит он, «пошли за рабочими по мастерским; движение началось на бульварах вблизи воинского присутствия (maison de la guerre); кажущееся отсутствие хлеба и военный набор—вот предлоги, которыми пользуются враги Республики с целью ввести народ в заблуждение».

«С утра обошли все мастерские и собрали большое количество строительных рабочих; с другой стороны к ним присоединились слесаря (les serruriers)», читаем мы в другой версии, приведенной в Archives Parlementaires⁴.

4-го сентября Парижский муниципалитет извещается⁵ «что по улицам Тампль, Сент-Авуа и прилегающим к ним происходят собрания рабочих, в особенности каменщиков, которые жалуются на трудность доставать хлеб и требуют повышения заработной платы». Наконец, секция Cité прямо заявляет, что «в настоящее время рабочие, проработав целый день, вынуждены тратить часть ночи для того, чтобы достать хлеб».

Все это, думается, достаточно характеризует состав демонстрантов,—ремесленники и наемные рабочие, отчасти рекруты, набираемые для отправки на фронт,—вот из кого состояли их главные кадры. Конечно, придавать сентябрьским волнениям «пролетарский» характер в современном нам смысле слова было бы крайне ошибочно. Однако, отрицать в нем участие рабочих (особенно характерным является здесь требование повышения заработной платы) и утверждать, что за Бешеными шли только ремесленники⁶ было бы, думается, не меньшей ошибкой⁷. Не говоря уже о ряде словесных вы-

¹ 5-го сентября Ру участвовал на заседании комиссаров секций в Якобинском клубе, где и был снова арестован. Mathiez, La fin des Enragés.

² Имеется указание на то, что в начале сентября 1793 года Варле был также подвергнут аресту. Так, один из документов секции Прав Человека, датированный 3 сент. 1793 г., гласит, что общее собрание секции поручает своему Наблюдательному Комитету выяснить в Комитете Общественной Безопасности причины ареста Варле. Однако некоторая неточность датировки (число месяца не совпадает с днем недели не позволяет опереться на этот документ с полной несомненностью (см. снимок с документа в Институте Маркса и Энгельса).

³ V. et Roux, т. 29 и след.

⁴ Arch. Parl. т. 73, стр. 395.

⁵ Moniteur, 17, стр. 577.

⁶ См. Захер. «Парижские секции», стр. 26.

⁷ Указывая, что за Бешеными шли не только ремесленники, но и наемные рабочие, мы отнюдь не думаем приписать самому вождю Бешеных—Варле—пролетар-

ступлений Бешеных в защиту интересов не только самостоятельных ремесленников и рантье, но и н а е м н ы х р а б о ч и х (см., напр., слова Ру в Конвенте 25/VI 93 г. о жалком заработке именно р а б о ч и х, (ouvriers) и о тяжлом положении тех из них, кто вовсе не имеет работы¹, не говоря о том, что введение твердых цен на продовольствие осенью—зимой 93 года было бесспорно в интересах именно П а р и ж с к и х р а б о ч и х, ибо § 8 декрета 29-го сентября о предельной ставке заработной платы—в Париже не всегда применялся, участие рабочих в движении 4—5-го сентября, прошедшего под лозунгами Бешеных, доказывается документально. В наших глазах это придает дням 4-го и 5-го сентября особенный интерес, ибо выступления рабочих в эпоху Революции были очень немногочисленны.

По свидетельству Мишле, имевшего возможность ознакомиться с протоколами секций, движение начинается в С е н т - А н т у а н с к о м п р е д м е с т ь е. В секции Montreuil было решено собираться «без оружия», но «организованными отрядами», а секция Quinze Vingt — наиболее рабочий квартал предместья—требует уже, чтобы все секции «послали в Епископство комиссаров, наделенных неограниченными полномочиями», как это делалось 10-го августа и 31-го мая. Вот те немногие сведения, которые говорят о действительном характере движения и рисуют его гораздо более серьезным, чем это делает Шометт в своей официальной речи в Конвенте². Уже 4-го вечером толпа народа стекается на городскую площадь и занимает все помещение Ратуши; Паш, Гебер и Шометт окружены демонстрантами.

Коммуна, и в частности Шометт, всячески пытаются овладеть движением и превратить волнующуюся и враждебно настроенную толпу в мирных петиционеров. С одной стороны, муниципалитет «приказывает полицейскому

ского происхождения. Он, вовсе не был рабочим, как это говорит Кропоткин (см. т. II, собр. соч., стр. 272, 488 и др.)

По свидетельству Революц. Комитета секции Прав Человека, Варле жил на ренту в 5.800 ливров, оставшуюся ему после смерти родителей. Первоначальное образование он получил, по собственным словам, в коллеже Narcourt и во время революции был служащим почтового ведомства. Воспитание Варле было повидимому достаточно разносторонним, ибо кроме политической деятельности он занимается еще составлением различных вирш и кантат, с которыми выступает не только в Якобинском клубе, но и в Конвенте.

¹ Речь Жака Ру 25/VI переведена по-русски в сб. под ред. Н. М. Лукина «Револ. прав-во эп. Конвента», стр. 181.

«Народ, не обвиняй революцию в том, что она стала причиной твоих бедствий: она естественно должна была обеспечить лучшую участь обездоленному рабочему (à l'ouvrier infortuné)» и классу, угнетенному феодальным деспотизмом», пишет Ру в № 249 «Publiciste» от 28/VII 93 г. «Вздуватели цен,—это вы являетесь ворами, анархистами и убийцами..., ибо вы вырываете у рабочего хлеб, необходимый ему для существования».

² В недавно вышедшем III томе своей *Revolution française* Матьез, говоря о движении 4—5 сентября 1793 г., добавляет, что «Секции продолжали заседать поздней ночью, и одна из них, секция Санкюлотов, объявила себя в состоянии восстания против богатых»—Mathiez, *La terreur*, стр. 47).

управлению принять все меры для того, чтобы рассеять собравшихся»¹ и «уполномочивает главнокомандующего Национальной Гвардией повелеть бить сбор с тем, чтобы отдать необходимые по его мнению приказания»; с другой стороны—Паш, Шометт и Гебер стараются показать толпе, что они—на ее стороне, и несколько успокоить ее; с этой целью они произносят горячие речи, в которых примыкают к выставленным ею требованиям, не всегда даже заботясь о том, чтобы их теперешние слова соответствовали их прежним выступлениям². Коммуне удается овладеть движением и направить его в определенное русло. Оратором демонстрантов в Конвенте становится Шометт, сделавший со своей стороны все возможное, чтоб придать выступлению лояльный характер.

Депутация Якоб. клуба, пришедшая в Конвент вместе с комиссарами секций, устами Ройе тоже требует организовать Революционную Армию, изгнать дворян и «поставить террор в порядок дня». Однако, истинное настроение робеспьеровских кругов ясно видно в отношении к событиям самого Робеспьера. По его словам, «в настоящий момент Паш окружен не народом, нет, а несколькими интриганам, которые его оскорбляют, проклинают и осыпают угрозами»³. «Эти негодяи хотели передуть Конвент, Якобинцев, патриотов; они сеют недоверие к Конвенту и к установленным властям»; злонамеренные преступники присоединяются к группам у дверей булочных и возбуждают их подлыми речами; они тревожат народ, убеждая его, что продовольствия не хватит». Вынужденный, в качестве председателя Конвента, отвечать демонстрантам, Робеспьер, в ответ на их горячие речи, сдержанно говорит, что «Конвент примет во внимание их требования» и приглашает их к почетному присутствию на заседании, повидимому,

¹ *Moniteur*, т. 17, стр. 577.

² Так, напр. Шометт требует теперь создания Революционной армии, против которой он возражал еще в июне, находя, что ее содержание обойдется Парижу слишком дорого. Вообще вопрос о «Революционной армии» и о менявшемся к ней отношении лидеров различных группировок того времени принадлежит к числу наиболее интересных, но вместе с тем и наименее разработанных вопросов.

Создание Революционной армии (своего рода «продотрядов» французской революции) было декретировано Конвентом еще 2-го июня 93 г.—в день победы над жирондистами. Однако Конвент и Комитет Обществ. Спасения вовсе не торопились проводить этот декрет в исполнение; да и Генеральный Совет Коммуны уже 29-го июня (т.-е. как раз в дни, когда начинается борьба против Бешеных) устами Шометта возражает против ее организации.

Декретированная вновь только 5—9 сентября, под напором Парижских секций, Революционная армия уже через месяц (19 вандемьера—10 октября 93 г.) подчиняется Конвенту особым пунктом правительственного декрета и окончательно расформируется 27 марта 94-го г. в связи с разгромом «гебертистского» движения.

Уже одно то, как тщательно обсуждались в Якобинском клубе персональные кандидатуры отдельных лиц, выставлявшиеся на командные должности в «Революционную армию Парижа», (см. Aulard, S. d. J. t. V.) указывает на ту важную роль, которую играл вопрос о ней в тогдашней политической жизни. Думается, его разработка должна дать новые материалы для характеристики классовой сущности политических группировок того времени.

³ *V. et Roux*. т. 29, стр. 25—26.

вовсе не собираясь ставить на голосование их предложения.—Вскоре он даже покидает залу, передав председательствование члену Конвента Тюрио¹.

Все же Конвенту приходится уступить напору секций, как накануне пришлось это сделать Парижскому муниципалитету. Однако, декретировав вновь создание Революционной армии, признав в принципе всеобщий максимум, провозгласив в речи Барера, официального докладчика Комитета Общественного Спасения, террор поставленным в порядок дня, Конвент тогда же спешит взять у секций реванш и в том же заседании весьма существенно ограничивает их права. «День 5-го сентября, упрочивающий победу прогаммы Бешеных, должен был тем самым ускорить падение их вождей», пишет Матъез².

Закрепляя за собой всю сумму верховной политической власти, оставляя в своих руках проведение в жизнь тех декретов, опубликованием которых он как бы застраховал себя от успеха агитации Бешеных, — Комитет Обществ. Спасения тем самым обеспечивал себе возможность фактического направления всей политики в интересах правящих групп населения. Так, именно 5-го сентября, вскоре после выступления демонстрантов, вотируется знаменательный декрет, запрещающий секциям собираться чаще, чем два раза в неделю³ и тем самым отменяющий ту перманентность секционных заседаний, за которую боролись парижские секции еще при Учредительном Собрании, и которая была наконец завоевана революцией 10 августа⁴.

Автором этого предложения снова оказывается Дантон — инициатор превращения Комитета Обществ. Спасения во «временное правительство» Франции. Уже одно это указывает нам на истинный характер декрета, который еще более выясняется, когда в его защиту выступают не кто иной, как Базир и Фабр д'Эглантин — ярые враги «ультра-революционеров». Они уже без всяких обиняков говорят о возможности «секционной контрреволюции»... «В секциях есть чрезвычайно опасные люди, крикуны, уже давно стремящиеся к сенсационной революции, говорит Базир⁵ ... «Главные враги — вовсе не дворяне и священники (!), а между тем до сих пор преследовали только дворян и оставляли в секциях крикунов и агитаторов (!), которые вводят нас в заблуждение и являются причиной наших бедствий и ощущаемой нами кажущейся голодовки», утверждает Базир. В заключение он предлагает, чтоб Революционные Комитеты секций, в свою очередь очищенные Генеральным Советом Коммуны, составили списки этих «mctionnaires incendiaires», которые «хватаются за каждый предлог для того, чтоб возбудить смуты и разногласия среди праждан»...

¹ Moniteur, 17, 587 и след.

² Mathiez, L'inauguration de la terreur.

³ В окончательной редакции он был принят на заседании 9-го сентября — всего через 4 дня (!) после его внесения.

⁴ В сентябре 1792 г. был издан декрет, согласно которому для созыва общего собрания секции достаточно было требования даже одного гражданина.

⁵ Arch. Parlem., т. 73, стр. 411 и след.

И предложение Дантона — о сокращении числа секционных собраний, и предложение Базира — о чистке Революционных Комитетов секций Генеральным Советом Коммуны путем смещения неподходящих членов и назначения на их место кандидатов по усмотрению Совета принимаются в том же заседании¹. Правда, Конвент тут же позаботился о том, чтобы позолотить приготовленную им для секций пилюлю. Декрет о сокращении числа общих секционных собраний до 2-х в неделю был вотирован вместе с предложением установить оплату в 40 су за посещение их «неимущими гражданами»; а декрет о чистке Революционных Комитетов прошел вместе с установлением для их членов жалованья сперва по три, потом по пять ливров за день работы. Робеспьер красноречиво говорит о том, как выгоден этот «декрет о 40 су» для „peuple des artisans“², и только левый монтаньяр Ромм пытается возражать против декрета, предлагая лучше «повысить заработную плату рабочих».

Истинный смысл декрета окончательно вскрывается на заседании 9-го сентября, когда Конвент, во время обсуждения его окончательной редакции, дружным ропотом встречает предложение Гарнье³ о том, чтобы секционные заседания устраивались ежедневно. — Ограничение прав и политической роли секций, а вовсе не забота об осуществлении городской беднотой ее политических прав, — вот что было центром декрета 5—9 сентября.

И парижские секции быстро разобрались в этом. Уже 15-го сентября секция *Maison Commune*⁴ протестует на заседании Генерального Совета против декрета 5 сентября, как «гибельного для свободы»; в Конвенте с аналогичным протестом выступают секции *Contrat Social* и *Marchés des Innocens*⁵. К ним присоединяются секции *Amis de la patrie*⁶, *Halle aux bles*⁷. 12-го сентября секретный агент *Le Harivel* сообщает, что против декрета 5—9-го сентября настроена и секция *Piques*, где «Якобинцы (!) были обвинены в том, что вызвали этот декрет и пользуются теперь в Париже неограниченной властью»⁸. Сент-Антиянское предместье тоже «горько жалуется на декрет, который ограничивает его общие собрания двумя в неделю»⁹.

¹ Фактически это было подчинением секционных Комитетов Генеральному Совету Коммуны, который повидимому широко воспользовался предоставленным ему правом «чистки». Так, из состава Революционного Комитета секции Гравилье, только двое были утверждены Коммуной. (Mellié, *Les sections de Paris*, 219).

² *Moniteur*, 17, стр. 682; *V. et Roux*, 29, стр. 112, зас. 17-го сентября.

³ Кто был автором этого предложения: *Garnier de Saintes* или *Garnier de l'Aube*, мне не удалось выяснить; см. *Arch. Parl.* т. 73, стр. 601.

⁴ *Moniteur*, 17, стр. 669.

⁵ *Arch. Parlem.* т. 74, стр. 239.

⁶ *Moniteur*, т. 17, стр. 702, или *Caron, Paris pendant la terreur*, т. I, 76.

⁷ *S. d. J.* т. V, стр. 405.

⁸ *Caron, ibid.*, стр. 77.

⁹ *Tutey, Répertoire* т. 9, № 1322.

Таким образом, движение против декрета 5—9-го сентября охватывает центральные и правобережные секции Парижа¹.

Наконец, 17-го сентября¹ сам лидер Бешеных, Жан Варле, появляется на трибуне Конвента во главе делегации «от 48 секций» с протестом против того же декрета.

Установить точно, какие именно секции примкнули к протесту Варле, и представляли ли они из себя действительно большинство секций Парижа, к сожалению, не оказалось возможным. Сам Варле торжественно заявляет, что выступает «от имени 48 секций», и что «мэр был бы во главе нас, если бы оказался на своем посту»; зная, однако, крайнюю осторожность и уклончивость Паша, в правдивости по крайней мере последнего утверждения Варле приходится сильно усумниться. В своем позднейшем памфлете „Le citoyen Varlet, prisonnier à la Force, en réponse à ses motifs d'arrestation“, Варле указывает, что он выступал от 27 секций, но это тоже подлежит проверке. По данным, имеющимся в Arch. Parl., Moniteur, B. et Roux, Tutey, Caron, (Paris pendant la terreur), Aulard (S. d. J.) можно считать, что к этому движению, возглавляемому Бешеными, примкнули следующие секции: Piques, Contrat Social, (Postes), Marché des Innocents, Halle aux blés, Amis de la Patrie, (Ponceau), Maison Commune, Panthéon Français, Droits de l'Homme, Montreuil, Quinze Vingt, Popincourt, faub. de Montmartre, Arcis и повидимому, Croix Rouge. Кроме того, под общим влиянием Бешеных находились, как известно, секции Gravillier и Observatoire.

Большинство (но далеко не все) из этих секций (см. указанную уже главу у Бреша) находилось в индустриальных районах Парижа, где жили рабочие и ремесленники того времени: суконщики, бумагопрядильщики, вязальщики, ленточники, кружевницы, столяры, мебельщики, строительные рабочие, обойщики, слесаря, кожевники и т. д.

«Избранники народа», — торжественно заявляет Варле в Конвенте² — «этот декрет покрывает позором французский народ и подвергает его презрению и негодованию всех народов... Он посягает на Конституцию и Декларацию Прав Человека. Тот, кто первый³ предложил издать такой декрет по отношению к Парижу, заставил вас нарушить вашу присягу. Разве вы могли, не посягая на права суверена, сократить число народных собраний и установить их про-

¹ Общую характеристику населения секций см. в книге Бреша. «La Commune de 10 août», стр. 6—28, а также в его статье «Essai de statistique de la population ouvrière de Paris vers 1791», помещенной в «Rév. franç» за 1912 г.

² Arch. Parlem. т. 74, стр. 311 или Moniteur, т. 17, стр. 682, и след.

³ О враждебном отношении Дантона к лидеру Бешеных можно судить по любопытной сценке, разыгравшейся в Конвенте 2-го декабря 1793 г. (Arch. Parl., т. 80, стр. 533). Когда Варле, незадолго перед тем освобожденный из под ареста, выступил в заседании Конвента с поэмой в честь Марата и с предложением издать все его произведения вместе с работами Лепеллетье, — то Дантон резко прервал его, требуя немедленно прекратить подобные выступления. — «Нам нужна работа, а не речи», заявил он.

должительность? ¹.—Нет,—и вы сами признавали это в другие времена... Вы хотите закрыть народу глаза, усыпить его бдительность — и когда-же?»

— «Граждане, — заключает Варле, — санкюлоты Парижа, для которых был издан этот декрет, требуют его отмены».

Но времена действительно изменились. Дни 31-го мая отошли уже очень далеко, и 17-го сентября петиция парижских секций встречается в Конвенте только ропот и возмущение. Правый депутат Базир предлагает отослать петицию в Комитет Общественной Безопасности, чтобы тот строго расследовал ее происхождение; он же высказывает предположение, что Варле, «этот неосторожный молодой человек», «действующий «заодно с Жаком Ру», оплачивается аристократами. — «Почему Варле не на фронте?» — спрашивает Базир. А Робеспьер в ответ на речь Варле предлагает просто перейти к очередным делам, ибо, несомненно, «не народ продиктовал эту петицию». Многие члены Конвента требуют немедленно задержать Варле, и только ссылка на право петиций освободила вождя Бешеных от ареста в самом здании Конвента.

Но уже 18-го сентября, т.е. на другой же день после выступления Варле в Конвенте, Комитет Обществен. Безопасности арестует его за «контрреволюционные речи в одной из групп ²».

Другой лидер Бешеных, Жак Ру, был арестован уже 5-го сентября, когда он пришел на заседание секционных комиссаров ³, а 8-го сентября клуб Якобинцев, по предложению Дефье, организует даже особую комиссию для сбора обвинений, как против него, так и против Леклерка ⁴.

Начинается преследование и Общества Революционных Женщин. 15-го сентября, тот же Базир, который требовал в Конвенте отправки на фронт Варле, выступает в клубе Якобинцев ⁵ против «этих дам», которые «с презрением говорят о Робеспьере» (!)

Член клуба Ташеро сообщает, что пражданка Лакомб «вмешивается повсюду»; что на одном собрании, где он присутствовал, она требовала «прежде всего Конституции» ⁶, всей Конституции в целом, и ничего, кроме Конституции. — «Она атакует установленные власти»,—заявляет другой член клуба; «она бросает раскаленные ядра

¹ По декрету 5-го--9-го сентября общие собрания секции должны были начинаться в 5 и кончатся в 10 часов вечера.

² Tutey, Répertoire, т. 9, № 1336, стр. 406 и снимок с текста постановления имеющийся в Институте Маркса и Энгельса.

³ Mathiez, La fin des Enragés.

⁴ S. d. J., т. V., стр. 392. Парижский муниципалитет тоже примыкает к травле Бешеных. На заседаниях Коммуны 19-го сентября Гебер замечает, «что очень многие граждане стараются вызвать в секциях раздоры, требуя отмены декрета» (9-го сентября). По его требованию Совет постановляет, что полиция примет необходимые меры для надзора за гражданами, которые распространяют в секциях подобные идеи». Moniteur, 17, стр. 702.

⁵ S. d. J., т. V., стр. 406.

⁶ Характерно, что в сентябре 93 года уже простое требование «Конституции» служит материалом для обвинения.

в якобинцев и в Комитет Общ. Спасения». Обвинения раздаются и против Леклерка, а появление на одной из трибун самой пражданки Лакомб только усиливает негодование Общества. Якобинский клуб постановляет немедленно отправить гр. Лакомб в Комитет Общ. Безопасности, потребовав у него вместе с тем и ареста Леклерка. Обществу же Револю. Женщин Якобин. клуб предлагает очистить себя от подозрительных элементов.

Однако Общество Револю. Женщин очевидно не последовало этому призыву; оно продолжает вести агитацию в духе Бешеных, прибавив к ней еще и требование политического равноправия для женщин.

16-го сентября тайный агент Rousseville сообщает, что Революционные Женщины сильно волнуются по поводу ареста Лакомб, и «сравнивают ее с Маратом, преданным суду Революцион. Трибунала»¹.

— «Это брожение становится уже не частичным, а всеобщим», — пишет полицейский агент Latour Lamontagne 20-го сентября... «Эти женщины... жалуются на все установленные власти без исключения и требует смены Конвента (!), всего состава администрации и трибуналов». Они заявляют, «что право голосовать в секциях — это их естественное право, которого они должны требовать; что в государстве, где равенство освящено законом, женщины могут претендовать на все гражданские и военные должности»².

Арест Варле тоже не проходит спокойно. Депутация секции Droits de l'Homme, членом которой был Варле, является в секцию Panthéon Français, чтоб потребовать в Конвенте «освобождения Комиссаров, отнесших петицию 48 секций о том, чтоб заседания секций были перманентны»³.

Жак Ру, сидящий в тюрьме Сен-Пелажи, тоже не успокаивается: он открыто возмущается репрессиями, применяемыми против Общества Револю. Женщин. «Еще несколько дней, и маска будет сорвана с врагов свободы», — пишет он в № 266 своего журнала⁴. «Мы увидим, останутся ли они на своих местах на вечные времена, S'ils se perpetueront dans ses places); мы увидим, не составили ли они нам эту чудную sublime) Конституцию только для того, чтоб ежеминутно нарушать ее».

Брожение в секциях не прекращается. В ряде их спешно идет организация «Societes sectionnaires»⁵, посредством которых обходится декрет 5—9 сентября.

«Можно опасаться, как бы не возникли трения между писателями - патриотами и Комитетом Общественного Спасения, между Конвентом и Народными Обществами по во-

¹ Caron, Paris pendant la terreur, т. I, стр. 119.

² Caron, *ibid.*, стр. 149—154, см. также сообщения Rousseville от 22-го сентября *ibid.*, стр. 171.

³ Caron, *ibid.*, т. 1, стр. 233.

⁴ Цит. по Mathiez «La fin des Enragés»

⁵ См. многочисленные сообщения об этом ряде секций на заседаниях муниципалитета и Конвента, а также донесения полицейских агентов.

просу об организации исполнительной власти, согласно Конституции»¹, предостерегает секретный агент Rousseville в своем сообщении от 26-го сентября.

А 22-го сентября секции уже вновь выступают в Конвенте, на этот раз с требованием таксы².

И здесь Конвент снова проводит ту же политику, как в дни 10 августа—5 сентября 1793 г. В продовольственной области Конвент выполняет требования, выставленные Бешеными; в области преследования «внутренних врагов революции» и иностранцев, «желающих уморить Париж голодом», он тоже готов идти по пути террора, намечаемому народными обществами; но все это с тем, чтобы возможно больше укрепить свое политическое положение и, накормив голодных парижан, тем самым снять с очереди вопрос о «смене Конвента». Поэтому, если 11-го сентября декретируется максимум на зерно, муку и фураж; если 29-го фиксируются твердые цены на все предметы широкого потребления; если 17-го издается грозный декрет о «подозрительных», а в качестве устрашения «мюскаденкам» и подачи Обществу Женщин Революционерок всем женщинам предписывается носить национальную кокарду; если всеми этими декретами Конвент явно проводит требования Бешеных,—то в это же самое время декрет 5—9-го сентября, уничтожающий перманентность секционных собраний, остается неотмененным; в декрет о максимуме вводится пункт о предельной ставке заработной платы, бьющий непосредственно по карману именно наемных рабочих; муниципалитетам дается право арестовывать рабочих, если они без уважительных причин откажутся от исполнения своих обычных работ (параграф 8 и параграф 9 декрета 29 сентября); Комитету Обществ. Спасения, по предложению того же Дантона, дается право намечать кандидатов во все остальные Комитеты Конвента; Революционные Комитеты секций ставятся в непосредственное подчинение Комитету Общественной Безопасности³, и Конвент резко одергивает Шометта, осмелившегося напомнить о правах Коммуны; наконец, 10-го октября Сен-Жюст официально заявляет в самом Конвенте, что «в том положении, в каком находится Республика, невозможно приводить в действие Конституцию».

И Конвент в том же заседании торжественно декретирует, что «впредь до заключения мира во Франции будет существовать Временное Революционное Правительство», с подчинением Комитету Общественного Спасения «Исполнительного Совета, министров, генералов и всех учреждений, «вплоть до надзора за «Революционной армией Парижа»⁴.

Так было установлено во Франции то «революционное правительство, теория которого, по словам Робеспьера⁵, была «так же нова, как и революция,

¹ Caron, *ibid.*; т. 1 стр. 205.

² Как видим, лозунги движения остаются те же; «Хлеба и Конституции 93 года»—вот основные требования секций и их вождей.

³ См. § 9 декрета 17-го сентября.

⁴ *Moniteur*, заседание 10 октября 1793 г.

⁵ См. речь Робеспьера о принципах рев. прав-ва, произнесенную им 25/XII 93 г.

его создавшая». Фактически — оно оказалось отменой Конституции 93-го года и провозглашением диктатуры Комитета Обществ. Спасения.

Это было действительным «концом Бешеных».

Жак Ру правильно оценивал положение, когда упрекал монтаньяров Конвента в том, что они «использовали Леклерков, Варле, Жаков Ру, Шампюнов... женщин-революционерок... для того, чтобы «разбить скипетр тирании, чтоб низвергнуть клику государственных людей», и что теперь, когда они «держат в руках жезл Республики», то они безжалостно заставляют «национальные громы греметь над неподкупными патриотами»¹. ...«Больше не дозволяется высказывать свое желание, если оно задевает гордость лицемеров, стоящих во главе правительства», — пишет он в № 267 *Publiciste*“

Действительно, Варле сидит в тюрьме; Жак Ру предается суду Революционного Трибунала и наносит себе опасную рану кинжалом, зная, что исход дела предreshен; Леклерк и Лакомб отказываются от политической деятельности, женские общества запрещаются, и начинается преследование „*Sociétés sectipaires*“, стремившихся обходным путем сохранить перманентность секционных заседаний.

Декрет 14-го фримера, бывший лишь развитием принципов, заложенных еще в докладе Сен-Жюста и в декрете 19-го вандемьера, является дальнейшим продвижением по пути ограничения прав местных властей и революционных организаций. Учреждение национальных агентов, смещаемых и назначаемых Комитетом Общественного Спасения (§ 14 декрета), запрещение центральных объединений народных обществ (§ 17 декрета), окончательно убили энергию и самостоятельность секций.

Постепенно они перестают участвовать в политической жизни, замыкаются в узкие рамки местных вопросов и целиком повинуются как Конвенту, так и его «правительственным комитетам».

Тем самым исход дней 8—9-го термидора, когда большинство секций послушно явилось на зов Конвента, может считаться предreshенным уже в осенние месяцы 1793 года и тесно связан с разгромом Бешеных и секционного движения.

В заключение, несколько слов о Бешеных, вопрос о которых, несмотря на последние статьи Матьеза², до сих пор еще остается спорным и неразработанным.

В этом очерке, посвященном лишь одному из эпизодов борьбы между ними и остальными монтаньярами, мы отнюдь не имеем в виду дать полную характеристику взглядов и состава этой группировки. Отсутствие ряда важнейших документов (в частности — протоколов Кордельерского клуба, секционных заседаний, а также полного комплекта журналов и брошюр Ру, Варле и Леклерка) делает в настоящее время эту задачу вообще несуществимой, по крайней мере, в пределах СССР.

¹ Цит. по Mathiez, *La fin des Enragés*, № 267 «*Le Publiciste*».

² «*Annales révolutionnaires*» и «*Annales historiques*» за 1914—1926 г.

Однако, думается, и этот небольшой очерк все же дает некоторый материал для возражений против тех противоречивых взглядов, которые высказывались о Бешеных в русской, а отчасти и в иностранной литературе. Конечно, Бешеные отнюдь не были коммунистами или социалистами, как их называют Кропоткин¹ и Фалькнер²; ни их идеология, ни их непосредственные требования не дают для этого никаких оснований. Хотя Варле в своем «Проекте императивного мандата» и говорит об организации «общины» (*communauté*), где «каждый должен получать только в соответствии с той частью, которую вносит он сам»; хотя Бешеные и стремятся к «постепенному уничтожению неравенства состояний», утверждая, что «свобода — лишь пустой призрак, когда один класс может морить другой голодом»; хотя Ру и спрашивает в Конвенте — «неужели собственность грабителей более священна, чем человеческая жизнь», утверждая, что «плоды земли, подобно стихиям, должны принадлежать всем»³, однако, Бешеные нигде не ставят проблемы частной собственности в целом и заранее оговариваются, что «совсем не имеют в виду крупных состояний, приобретенных хорошими сделками (*belles spéculations*) или смелыми предприятиями⁴ — они боятся лишь против «скупщиков и монополистов, богатеев за счет народного достояния». Признавая в принципе «право частной собственности неприкосновенным», они борются только против злоупотреблений, ведущих «к разрушению общества»⁵. Этого достаточно, чтобы с полным правом отнести Бешеных к мелко-буржуазным группировкам того времени.

Однако не надо забывать, что в тот первоначальный период развития промышленного капитализма, когда пролетариат, как класс наемных рабочих, еще не конституировался и не отделился от непосредственно примыкавших к нему слоев мелкой буржуазии — самостоятельных ремесленников и мастеровых, — думается, в этот период нельзя и требовать от Бешеных проповеди социализма.

Нужен был длительный период термидорианской реакции, годы безработицы, унетения и голода, чтоб агитация за «фактическое равенство» вылилась в формы «Заговора Равных», бывшего первым социалистическим движением. Ведь и у самого Бабефа — чуть не за две недели до его ареста, встречаются крайне характерные для того времени взгляды, отстаивавшие, на подобие Варле, частную собственность и «средние состояния» мелкой буржуазии⁶. Для характеристики же Бешеных нам важно отметить, что они

¹ Кропоткин. «Великая Франц. Революция», стр. 485, 586, 602.

² Фалькнер. Бумажные деньги Франц. Революции, стр. 86.

³ № 249 «Publiciste».

⁴ Варле. «Проект императивного мандата».

⁵ Varlet. Déclaration solennelle des droits de l'homme dans l'état social, отрывки из которой приводятся Оларом в «Политической истории Фр. Революции», стр. 544—45 русского перевода.

⁶ «Как будто бы все обычные состояния не были успокоены (*rassurés*) нашими открытыми заявлениями. Как будто бы мы не говорили всегда, что мы хотели только уничтожить колоссальные состояния и улучшить все остальные» — читаем мы в № 43 Бабефовского журнала (Цит. по Тарле, «Рабочий класс во Франции в эпоху В. Фр. Революции», т. II, стр. 516).

с гораздо большей энергией, чем какая-либо другая группировка того времени, боролись за удовлетворение социальных и экономических требований низов городского населения, что они были тесно связаны с теми народными обществами и секциями Парижа, где группировался рабочий и ремесленный люд, что в своих выступлениях они говорили не только о ремесленниках и мелких рантьегах, но и о бедственном положении наемных рабочих, указывая на скудость их заработной платы и требуя понижения (фиксации) цен на предметы широкого потребления для увеличения ее реальной стоимости.

Поэтому, говорить о Бешеных только как о представителях «мелкобуржуазного антикапитализма», как это делает Кунов¹, является на наш взгляд характеристикой далеко неполной, а потому и дающей повод к неверным выводам. Повидимому, именно эту схему Кунова заостряет Захер в своих этюдах о «Парижских секциях» и о «Бешеных», к которым он, на наш взгляд, совершенно произвольно относит Л'Анжа и Доливье. Захер уже прямо утверждает, что Бешеные по существу своему являлись партией глубоко реакционной (!), ибо стремились лишь к борьбе с машинным производством (!), т.е. к экономическому регрессу»; между тем ни одного документа, говорящего о борьбе Бешеных с «машинным производством», мне найти не удалось;² думается, что таковых и вообще не существует, равно как не существовало в действительности и «глубоко-реакционной» группировки Ру—Варле.

Кроме того, ни у Кунова, ни у Жореса почти ничего не говорится о политических взглядах и борьбе Бешеных — сперва против жирондистов, позднее — против робеспьеровцев и временного правительства — в защиту Конституции 93-го года и политических прав Парижских секций.

Обычно, если и говорится об июньских выступлениях Жака Ру, то они трактуются, как борьба Бешеных против Конституции 93-го года³, что на наш взгляд не соответствует исторической действительности.

Порой создается даже впечатление, что политические воззрения Бешеных вообще не были сформулированы, — в то время как достаточно прочесть «Проект императивного мандата» Варле или приводимые Матъезом выдержки из журналов Ру и Леклерка, чтобы убедиться в противном.

¹ «Действительно, говорит Кунов, вся полукоммунистическая агитация 1792-94 г. питалась и исключительно (!) тем отчаянием, которым были охвачены мелкие мастера при виде уничтожения их экономического бытия торговыми и промышленными капиталистами, быстро расширявшимися при новой свободе» (Кунов «Борьба классов и партий», стр. 479 русск. перевода).

² Если Я. М. Захер имеет в виду известную петицию рабочих-ленточников (*Pétition à assemblée nationale, par les ouvriers rubaniers de la ville de Paris, tendante à demander la suppression des métiers mécaniques à faire des rubans*), то следует отметить, что она была подана еще 6/XI 1791 года, в эпоху Зак. Собрании, когда ни Ру, ни Варле еще не выступали на политической арене. Уже по одному этому она ни в коей мере не может служить матерьялом для характеристики Бешеных и их взглядов.

³ См. напр. заглавие Матъезовской статьи в *Annales historiques «Les Enragés contre la Constitution de 1793»*.

Нам хотелось бы отметить, что именно осенью 93-го года, когда Конвент, опираясь на более зажиточные слои мелкой и средней буржуазии, заговорил с рабочими языком Конституанты и Легислативы, когда он стал проводить массовые принудительные реквизиции рабочих, строго карая их за всякое выступление с целью повышения заработной платы и стараясь ограничить деятельность низовых революционных организаций,—что именно в это время Бешеные ведут энергичную борьбу против диктатуры Комитета Общественного Спасения и отстаивают как экономические требования низов городского населения, так и политическую самостоятельность Парижских секций, как низовых революционных организаций, и принципы политической демократии, обещанные Конституцией 93-го года. В ее рамках нарождающемуся пролетариату было бы бесспорно легче выковать свое социалистическое оружие, — и поэтому неудивительно, что не только ремесленники, но и наемные рабочие идут за Ру, Варле и Леклерком, видя в них ближайших защитников своих интересов.

Эту борьбу Бешеных нам хотелось особенно подчеркнуть, потому что на наш взгляд именно она ставит вопрос о связи Бешеных как с прерияльским восстанием, так и с Бабефом¹. Правда, вопрос о совместной работе Варле и Бабефа в Club électoral осенью III-го года (1794) является еще недостаточно освещенным, но, думается, его разработка должна дать материал для того, чтобы поставить на реальную почву вопрос о Бешеных, как о предшественниках Бабувистского движения, пытавшегося опереться на те же рабоче-ремесленные кварталы великого города.

¹ См. Марк, «Die heilige Familie», Aus dem literarischen Nachlas, т. II, стр. 225.

Некоторые тематически связанные материалы в нашей библиотеке
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

***В. Гавриличев.* Народные массы и плебейские революционеры
Сент-Антуанского предместья летом 1793 г.**

***Р. Тонкова-Яковкина.* Движение народных масс Парижа
4-5 сентября 1793 г. («Плебейский натиск»)**

***Я. Захер.* Жак Ру и якобинская конституция 1793 г.**

***С. Абердам.* Право избирать и право решать в 1793 г.**

***А. Собуль.* Политические аспекты санкюлотской демократии**

***М. Домманже.* «Равные» и Конституция 1793 года**